

Имена
(сонеты)

Не бойтесь совершенства – оно вам не грозит.
Сальвадор Дали

ВЕНОК ПЕРВЫЙ

1

Как боги любим, а живем, как люди,
От сих до сих, от пят и до чела...
Но, если солнцем ты увлечена,
Кто за измену Женщину осудит?

Но нет, не дремлют мировые судьи,
Вершится суд. И вот – отсечена
Ты от меня. Не наша в том вина.
Мы только жертвы дьявольских орудий.

В руках моих есть золотая нить.
Скажи, – я все могу переменить:
Спасти Помпею, возвратить руно,

Вновь пирамиды возвести в пустыне...
Но ты молчишь, ведь ты жила доньше,
Имея то, что нам судьбой дано.

2

Имея то, что нам судьбой дано,
Не знаем: много это или мало.
И мы транжирим чувства, как попало.
Точнее, тратим, как заведено.

Но в жизни есть мгновение одно –
Прозрения великого начало.
Оно испито гениями, но
До нас о нем вселенная не знала.

1

Уста твои пылают, как герань,
Но ты ступить боишься через грань.
Кто не живет в любви, живет во блюде.

Как два огня волшебных в царстве тьмы,
Мерцают чаши полные, а мы
О трезвости с тобой рядим да судим.

3

О трезвости с тобой рядим да судим.
Непререкаем наш авторитет,
Как будто с Истиною “тет-а-тет”
Мы были раньше и во век пребудем.

Но усомнись... Тебя же не убудет.
В сомнении есть правильный ответ,
Которого и в аксиоме нет.
А Истина в такой зарыта гряде

Веков и заблуждений, что ее-то
Не раскопать. Да и кому охота
Слыть мудрецом и дурнем заодно?

И сомневаться в чем-то не резон нам.
Забвенья ищем там, за горизонтом,
А рядом зреет терпкое вино.

4

А рядом зреет терпкое вино.
Вино Любви и нового Познания.
Оно кипит... Полвека ожиданья
С лихвою мне теперь возмещено.

Как чувство это поздно мне дано!
Отдал я душу бесу на закланье.
Она в плену, и эти заклинанья
Не выручат ее. Исключено.

Ведем беседу мы с тобой нестройно,
И в мире стало тихо и покойно.
Волною теплой плещет свет в окно.

И мысль моя на крыльях воспарила.
И я иду по берегу залива...
Пригубить мне его не суждено.

5

Пригубить мне его не суждено.
Я позабыл за суетой мирскою,
Что жажду утолить волной морскою
Возможно лишь со смертью заодно.

Чего ж я медлю?.. Время сочтено.
Так растворись и стань молвой людскою.
Все прошлое, как бурей, сметено,
А будущего я уже не стою.

Твоя Любовь – бессмертья эликсир.
Но для чего тому, кто слаб и сир,
Венец царя?.. (Пропьет его иль сбудет.)

И для меня одна дорога – в ад.
Но, может, то не эликсир, а яд
Передо мной на золоченом блюде.

6

Передо мной на золоченом блюде
Чуть различимо, как змея в тени,
Мерцает Слово. Руку протяни –
Оно исчезнет, словно ржа в полуде.

Но я о нем мечтаю, как о чуде.
А кто-то поучает: – Не темни!
Не ищут песню в комарином гуде
И Божью искру в кознях Сатаны.

Но Слово я искал, не зная места,
И не нашел – все речи повсеместно.
Цепь рвется, коль подточено звено.

Есть в каждом Слове верность и измена.
Недаром же так скрытно и так смело,
Так вожаденно светится оно.

7

Так вожаденно светится оно,
С таким желаньем плотью стать и явью,
Что я, произнеся его, расплавлю
Весенний лед. И станет жизнь иной.

Но полдуши моей застеклено
Все тем же льдом... Я это Слово славлю
Вслед миллионам пишущих и знаю –
Произносить его запрещено.

То Слово в небо поднимает птиц.
Оно висит на кончиках ресниц,
Когда я с нежностью целую груди

Твои во сне... Да и сейчас – не страх,
А Слово это у тебя в глазах,
Как будто солнце прячется в сосуде.

Как будто солнце прячется в сосуде,
Вокруг меня Вселенский карнавал.
Под маскою я жизни не узнал,
А праздника другого мне не будет.

А Дирижер, как будто рыбу удит,
Нас дразнит палочкою... Он-то знал,
Сколь нужно сил, чтоб прозвучал финал,
Не тратя сердца в суете прелюдий.

Я не заметил жизни, без опаски
Идя с ней рядом, увлекая маски...
Но смолк оркестр, и Дирижер исчез.

И ничему уже не повториться.
– Ты думал, это маски?.. Это – лица! –
Я слышу с возмущившихся небес.

Я слышу с возмущившихся небес:
– К чему блуждать, когда ясна дорога,
Она тебе назначена от Бога
Пустынею, а ты нас тянешь в лес.

Да, ясен путь. Осталось так немного.
И я достойно бы пронес свой крест,
Когда бы, волею пустых словес,
Жизнь не разверзлась бездной от порога.

Без крыл любви не двинуться и с места.
– Спаси, моя крылатая невеста!..
Кого зову?! Я одинок, как перст.

– Ну, это, братец, ты сказал поспешно.
Взгляни на эту спелую черешню! –
Мне шепчет ангел или, может, бес.

Мне шепчет ангел или, может, бес:
 – Ты знаешь горы, где туман дымится,
 И слезы рос, агонию волчицы...
 Нет для тебя в тайге запретных мест.

Как в молодости, оглянись окрест –
 Ручей все так же на камнях резвится.
 Охотнику ль в трех соснах заблудиться
 С собакой и ружьем наперевес?

И память снова делает круги...
 Пронизывает выстрел синь тайги
 И носит эхо долгое, как ропот...

Я меток был и я не знал потерь.
 И вот впервые познаю теперь:
 Не все твое... Не все, что видит око.

11

Не все твое... Не все, что видит око.
 Так в океане светится коралл,
 Так в облаках копытом бьет марал
 И сокол в небе носится высоко.

В тебе одной все прелести Востока:
 Зов демонов и ангелов хорал,
 И потому Господь тебя избрал
 Стать мукой дива и мечтой пророка.

Не знаю я, как поступили вы бы,
 Что до меня – давно я сделал выбор.
 И, если мне две чаши поднесут

И предо мною их поставят рядом,
 Не с медом чашу выпью я, пусть с ядом, –
 Но этот драгоценнейший сосуд.

12

Но этот драгоценнейший сосуд
 Мир озарил таким пасхальным светом,
 Что, видимое нищим и поэтам,
 Всем различимо стало в пять минут.

Поймут ли нас с тобой иль не поймут,
 Не к милости готовься, а к наветам.
 Ведь в зеркале души моей при этом
 Нашла ты отраженье и приют.

Как сердце бьется радостно и споро.
 Но каждый шаг его – шаг Командора,
 То кредиторы мне счета несут.

Я расплачусь и я приму забвенье,
Но Истины великое мгновенье
Я выкраду, пойдя на Страшный суд.

13

Я выкраду, пойдя на Страшный суд
Зарю костра и ветра тихий шепот,
И трель ручья, и гроз весенних рокот,
И листьев мокрых спелую росу.

И это все тебе я принесу,
И ты поймешь, что крик травы – не нота,
Что Истина – не видимое что-то,
А пеночка, запевшая в лесу.

Все – маскарад. Все – тьмы и света сплав.
Под черной маской Жизни не признав,
Искать ее под белой – мало проку.

Она – в Любви!.. Но на расправы скор
Мне тянет длань железный Командор.
Пусть он решит, я ль поступил жестоко?

14

Пусть он решит: я ль поступил жестоко,
Оставшись после срока молодым,
Что заблудился средь моих седин
Его возлюбленной веселый локон.

Не соверши, мой Командор, беды,
Что на хвосте несет тебе сорока.
Любви не отличая от порока,
Не преврати цвет яблонь в горький дым.

Все крепче руку мне сжимает он...
Но, Командор, не ты, не Соломон –
Нас только Вечность мрачная рассудит.

Да мы уже осуждены за все
И вместе наказание несем, –
Как боги любим, а живем, как люди.

15

Как боги любим, а живем, как люди,
Имея то, что нам судьбой дано.
О трезвости с тобой рядим да судим,
А рядом зреет терпкое вино.

Пригубить мне его не суждено.
Передо мной на золоченом блюде
Так вожделенно светится оно,
Как будто солнце прячется в сосуде.

Я слышу с возмущившихся небес,
Мне шепчет Ангел или, может, бес:
– Не все твое... Не все, что видит око.

Но этот драгоценнейший сосуд
Я выкраду, пойдя на Страшный суд.
Пусть он решит: я ль поступил жестоко?!

ВЕНОК ВТОРОЙ

16

Меж нами сорок зим и сорок лет.
Над нами неба высь и Божья воля.
Ромашки заминировали поле...
Не наступи!.. Ведь в нем проходов нет.

Нас вечер в плен берет... И лишь рассвет
Освобождает от его неволи.
Но снова нам мечтать о ней до боли,
Забыв друзей, отбросив этикет.

Блестит ручей, как тонкий поясок,
Что ты вдруг уронила на песок.
И вот тебе не до ромашек вовсе.

Среди зеленых режущих осок
Ты звезды собираешь в туюсок...
Тебе сегодня восемнадцать весен.

17

Тебе сегодня восемнадцать весен.
Вселенная Любви – твой новый дом.
Ты счастлива со мною... Но о том
Пусть не фанфары протрубят, а лоси.

Рассвет зарю в твои вплетает косы.
Дорога в горы врезана винтом.
И вот уже, хватая воздух ртом,
Вверх по ручью на смерть плывут лососи.

У них, как и у нас, один Судья.
И все-таки, от жизни уходя,
Мы в океан Любви монету бросим

И возвратимся в этот мир опять.
Но чтоб земля не повернула вспять,
У неба мы благоразумья просим.

У неба мы благоразумья просим,
 Но все напрасно, – сколько ни проси.
 Благоразумье скрыто в нас самих.
 Оно таится, словно в лете осень.

Но помолчу!.. На перекрестке просек,
 Где в длинных листьях прячется мой стих,
 Вдруг замер ветер, и щегол затих,
 И чудным светом засветились росы.

Торжественна, пуглива и нежна,
 Ступаешь ты ко мне, обнажена,
 Туман пуховый тянется, как плед.

И солнца шелк с небес летит, скользя...
 – Остановись! – молю я. – Так нельзя!
 Но не подвластен разуму сонет.

19

Но не подвластен разуму сонет.
 От века у него свои законы.
 Счастливый пленник, я попал в оковы
 И вот иду за стражником след в след.

Но это шутка! Будь я не поэт,
 Кого, скажите, красота не тронет?
 Сотрутся рубежи, и рухнут троны –
 Любовью сохранится белый свет.

И мне сонет не стражник, а приятель.
 Я не ищу на солнце темных пятен.
 Я радугу благодарю за цвет...

И каждый поцелуй, что так приятен,
 До хрипоты отсчитывает дятел.
 До лет моих ему и дела нет.

20

До лет моих ему и дела нет.
 Я жизнь прожил, а вот похвастать нечем.
 Его послушать, так я вроде вечен.
 Но я-то знаю, – это птичий бред.

Нам вечность не оставила примет.
 Но будут сосны вспыхивать, как свечи.
 И волосы твои сбегать на плечи,
 И заслонять глазам парад планет.

И вечна (извините за строку)
 Слеза, что катится по желобку
 Твоих груди, что в страсти вихрь разбросил...

И благодарность это и укор –
Передо мною твой молящий взор...
Он зелен круглый год, как иглы сосен.

21

Он зелен круглый год, как иглы сосен,
Пока Судьба не вдарит в топоры,
Взор этот будет возрождать миры,
И никогда Пастух овец не бросит.

Но на суде, на Страшном, он нас спросит
(Мы все безгрешны только до поры):
– Что есть Любовь – предчувствие игры
Иль боль, что нас на облака возносит?

Не знаю – счастье это иль беда.
Мы не найдем ответа никогда,–
В Себе Самом он слово это носит.

Но не молиться же сейчас кустам...
И вдруг пред нами возникает храм.
Он стар, как мир. Ему столетий восемь.

22

Он стар, как мир. Ему столетий восемь.
Тому, кто на иконе – тридцать три
Библейских года... Пыль веков сотри –
Грехи слетят и разобьются оземь.

Вот Он глядит на нас суров и грозен.
Но этот свет, летящий изнутри,
Нас исцелит. Любимая, смотри –
Мы спасены!.. И что нам до угрозы

Злых демонов, что здесь затаены.
Они победою упоены
Напрасно. Свыше совершен обет

Над нами Тем, кто нам пришел на помощь.
Уже давно на мир спустилась полночь,
А Он все льет на нас волшебный свет.

23

А Он все льет на нас волшебный свет.
И губы наши шепчут не молитвы,
И два дыханья воедино слиты,
И руки сплетены, как амулет.

И пеньем птиц, резвящимся в ответ,
А не росой листья всклень налиты.
И понял я, чем люди в мире сыты,
Что голова всему, увы, не хлеб.

Не так ли горделивая река
Бесстрастна и безропотна, пока
Она не встретит на пути порог.

Мы друг от друга страсти не таим,
Но то не нами, милая, а Им,
Им не допит любви священный рог.

24

Им не допит любви священный рог.
Он не спешит. Он здесь всегда и всюду,
Покуда бес не приведет Иуду.
А торопливость – не Его порок.

И я бы стал степенным, если б мог,
Но на земле я только миг пребуду.
И кто-то сдаст души моей посуду
В сырую землю, как наступит срок.

Прости, что я события тороплю...
Пока есть ветер – мчаться кораблю –
С рожденья мной усвоенный урок.

А быть бессмертным не моя статья.
Я – человек. А в книге Бытия
Ему отпущено так мало строк.

25

Ему отпущено так мало строк.
И ничему уже не повториться.
И все таки, я мог не торопиться
Прервать полет... Но все мне, все не впрок.

Я снова молод, смел, как белый волк.
Любовь твоя, как неба омовенье.
Так вечностью стать может и мгновенье,
Когда оно бессмертия зарок.

Не для свершений чьих-то важных дел
Дается жизни краткий миг в удел.
Мы рождены друг друга позабавить,

Не отличая Истины от лжи...
Но что это со мной? Я жил, как жил.
И не убавить здесь и не прибавить.

И не убавить здесь и не прибавить.
 И годы, словно крохи, не смести.
 Но запретить мне вслух произнести –
 Любимая – никто уже не в праве.

Ружье стреляет, и не только в драме.
 И красотою мира не спасти.
 Но я хочу тебя произвести
 В царицы мира, чтоб его исправить.

Но сколько счастье это будет длиться?
 Здесь, в храме, надо Богу помолиться,
 Но нам с тобою это невдомек.

Лишь на одну тебя сейчас молюсь я.
 Спаситель наш на нас взирает с грустью.
 Но всем влюбленным строгости не в прок.

Но всем влюбленным строгости не впрок.
 Все с рук сойдет им, и за все простится.
 Пока ты влюблена – ты даль и птица.
 Покуда я влюблен, дотоль – пророк.

То одержим, как глухариный ток,
 То холоден (а, может, только мнится),
 То, как скала, то суетлив, как спица...
 Я знаю, у всего один исток.

Поэзия – жестокая игра.
 Ничто само не падает с пера.
 За все, за все мы платим свой оброк.

Но, если несговорчивая осень
 Железным градом все поля покосит,
 Сонет мы можем заплести в веночек.

Сонет мы можем заплести в веночек.
 Но что нам в этой копии бумажной,
 Когда на поле тихо и отважно
 В зарю Любви глядится сам цветок?

Как совершенен каждый лепесток!
 Не трогай слов, – не сделаешь ромашки.
 Ты вносишь пресловутые ромашки, –
 И вмиг по телу пробегает ток.

Наивный! Я считал, что я сильнее
 Самой Природы, состязаясь с ней.
 Что движет миром: Муза или память?

Но во вселенском сумрачном углу
Венком сонетов воспалю я мглу,
Чтоб, увенчав тебя, Любовь восславить.

29

Чтоб, увенчав тебя, Любовь восславить,
Я вышел на звериную тропу...
И стоило горячую стопу
На этот путь нехоженный поставить,—

Я начинал уже вселенной править,
За хвост хватая дикую мечту...
И обгорали годы налету,
И на висках моих осталась наледь.

Поэт способен делать чудеса,
Лес превращая в храм. Храм — в небеса,
На чем-то сердце оставляя след.

И вот теперь, у жизни на краю,
Я все б отдал за молодость твою.
Меж нами сорок зим и сорок лет.

30

Меж нами сорок зим и сорок лет.
Тебе сегодня восемнадцать весен.
У неба мы благоразумья просим,
Но не подвластен разуму сонет.

До лет моих ему и дела нет.
Он зелен круглый год, как иглы сосен.
Он стар, как мир. Ему столетий восемь,
А он все льет на нас волшебный свет.

Им не допит Любви священный рог.
Ему отпущено так мало строк,
И ни убавить здесь и ни прибавить.

Но всем влюбленным строгости не впрок.
Сонет мы можем заплести в венок
И, увенчав тебя, Любовь восславить.

ВЕНОК ТРЕТИЙ

31

Венок сонетов — свод жестоких правил,
Но суть их удивительно проста:
Читай росу с кленового листа,
Который пред тобой ладонь расправил.

С любимой рядом я молился в храме
И потому – не целовал креста...
Ее очки в серебряной оправе
Мне отразили светлый лик Христа.

Старушки били истово поклоны,
А я не отрывался от иконы,
Как будто в храме не было иных...

Вокруг Христа мелькали чьи-то тени,
И я ушел в мир благостных видений –
Для всех смешных, а для меня святых.

32

Для всех смешных, а для меня святых,
Я в жизни знал лишь несколько мгновений,
Когда живая бронза откровений
Была предтечей образов литых.

Когда душа, не зная суеты,
Из темноты предчувствий и сомнений
Вдруг восходила к свету песнопений,
И этим светом становилась ты.

И, обжигая пламенем свечи,
В меня входили рифмы, как мечи,
Пронзая тело. Правый иль неправый,

Но я – Овен. Он – жертвенности знак.
Спасибо небу, что случилось так, –
Мне не менять стихов на переправе.

33

Мне не менять стихов на переправе,
Не прятать слов за новые слова.
Что сделано – не мне дано исправить.
Да надо ли?.. Любовь всегда права.

И станет сеном свежая трава,
Придет в забвенье все, что было в славе.
Ведь даже скалы превращают в гравий,
Раскручиваясь, власти жернова.

Молчанье для поэта – круги ада.
Я знаю, объяснять тебе не надо
То, почему вдруг голос мой затих.

Но не сдержат весною половодья.
И если нам натянут вновь поводья,
Рви удила, неукротимый стих!..

Рви удила, неукротимый стих!
 Какой бы гладкой ни была дорога,
 Нам никогда не доскакать до Бога.
 Я в храме эту истину постиг.

Но есть Любовь. Во мраке дней пустых,
 Что знаем мы с тобой, – не так уж много
 Мгновений света... Ты меня прости,
 Зачем же отвергать ее с порога?!

– Ах, если б десять лет тому назад, –
 Ты говоришь и опускаешь взгляд,
 Который, мне казалось, не лукавил,

И все же... Как нас выдают глаза!
 Ты отрицала все, но я-то знал:
 Я – царь Любви. Я властвовал и правил.

Я – царь Любви. Я властвовал и правил.
 Я шел на ложе, как на Высший суд.
 ...Ты говорила мне, он не отравлен,
 Твоей рукой наполненный сосуд.

Теперь меня от жизни не спасут
 Все, хоронившие меня заранее.
 Отныне в сердце – в этой вечной ране –
 Не яд смертельный, а Любовь найдут.

Любимая!.. Какие ж это травы,
 Что я увидел подвиги и нравы
 Земных богов, пришедших не из книг?

За что мне муки и восторги эти?
 Я выпил твой настой. Я стал бессмертен.
 И вот пришел расплаты горький миг.

И вот пришел расплаты горький миг,
 И над столом, что расстелился степью,
 Не пойманный расставленною сетью,
 Я птицею распятою возник.

Тобой унижен и тобой велик,
 Лечу то над песками, то над крепью,
 Прикованный невидимую цепью
 К Тому, кто прячет в небе грозный Лик.

А где-то рядом вольный сын эфира
 Парит вот так же от начала мира
 Над всей землей меж полюсов седых.

Ах, господа!.. Вы начали хихикать.
Но смерть поэта – это тоже прихоть.
Прости, Всевышний, подданных моих.

37

Прости, Всевышний, подданных моих
За давностью событий и за далью,
Когда они оплачивали данью
Своих сердец мой каждый беглый штрих

На полотне времен... Чего достиг,
Все это – душ доверчивых страданья...
И, если есть великие созданья,
Ты знаешь, как я недостоин их.

В моей непредсказуемой судьбе
Я слишком много думал о себе
И красовался, словно на экране...

И потому, когда пришел мой срок
Раскаянно упасть у милых ног, –
Просить себе прощенья я не в праве.

38

Просить себе прощенья я не вправе.
Не потому ль дрожащею рукой
Все свечи ставил я “за упокой”
Моей любви, а надо бы “во здравье”.

Я не вникал в законы православья
И слез не лил над вещью строкой.
Я веровал над Лунною рекой,
Найдя ромашку в книге мирозданья!

И все же я Всевышнего молю:
Не оставляй любимую мою!
Не дай ей, Господи, моей юдоли –

Юродивым остаться на снегу...
Я и теперь ответить не могу:
Что знал я больше – радости иль боли?

39

Что знал я больше: радости иль боли,
Когда случайной волею судеб
Еще недавно на одном подворье
Делил с тобою Богом данный хлеб.

Любовь, как хлеб, не поделить на доли.
Но бес не спит. Он требует побед.
Он зажигает звезды, гасит свет...
Мы все – заложники. Мы все в неволе.

Когда б Мария выбрала из двух
Равноопасных – тело, а не Дух,
Кого бы принесла она в подоле?

И, ежели Иосиф ни при чем,
За что же я на это обречен?
Объятия твои – уступка воли.

40

Объятия твои – уступка воли.
Хмель поцелуев наших – горький мед.
Я молод был, и вот настал черед,
Когда меня страшнее только тролли.

Но если кто-то, как и я, прильнет
К твоей груди, не говори: – Доколе?..
Тебе, я вижу, – главное полет.
Орел крылат, но крылья и у моли.

Как я тобою был невольно ранен,
Когда к другим вот так же был приравнен,
Которым, верю, ты была нужна.

Ну что ж?! В любви нас покидает разум.
И этой болью я себе обязан –
Словам искусным, словно кружева.

41

Словам искусным, словно кружева,
Ты отвечала тем же. Но порою
Не замечали мы за той игрою,
Как становились вещими слова.

И поднималась к небу голова
От предвкушенья бега... И, не скрою,
Что тройка быстрая запряжена,
И я еще чего-нибудь да стою.

Пройдя сквозь взгляды близких, как сквозь строй,
Мы все ж игру оставили игрой,
Юнцам нетерпеливым в назиданье.

Ты знала, что боится волк огня,
И не хотела им обжечь меня,
Но помнишь Миг?.. Пусть он уже преданье.

42

Но помнишь Миг, пусть он уже преданье,
Когда по телу пробежал огонь,
И ты смиренно, как для подаянья,
Мне протянула теплую ладонь.

Твоя ирония – броня мадонн –
Слетела, как слетают одеянья...
О, Господи, прости мои деянья,
Царя любви, отвергшего свой трон.

Шесть дней творил Вселенную наш Бог,
А мне дано мгновенье... Что я мог?
Прости, что так уродливо создание.

И, если я остался не у дел,
Жизнь после смерти – это мой удел, –
Одно на этом свете оправданье.

43

Одно на этом свете оправданье:
Поет на ветке неумолчный дрозд.
Напился меду, наклевался звезд
И ждет возлюбленную на свиданье.

Правдивых слов прямые попадания
На сердце не оставили борозд,
Но мне сквозь песню слышатся рыдания
Его птенцов из разоренных гнезд.

И все-таки, мне губ твоих причастье
Неотвратимо, как удары Счастья.
Пусть нас осудит лживая молва.

Твоим глазам зеленым: – Аллилуйя!
Я их еще, надеюсь, поцелую.
Все царства пали, а Любовь жива.

44

Все царства пали, а Любовь жива.
Забравшись на священные руины,
– Как жить? – кричу я. – Память сожжена.
Я все забыл, о чем мечтал доньине!

Пройдут снега черемухи, и ржа
Свои земле устроит именины.
И ты забудешь о реке в долине,
В которой ты была отражена.

Налита чаша жизни. Пей до дна.
Но если, вдруг, останешься одна,
Иль, Бог не дай, окажешься в опале,

С врагом своим не затевай возни.
Сходи к отцу Никите иль возьми
Венок сонетов – свод жестоких правил.

Венок сонетов – свод жестоких правил
 Для всех – смешных, а для меня – святых.
 Мне не менять стихов на переправе.
 Рви удила, неукротимый стих.

Я – царь Любви. Я властвовал и правил,
 И вот пришел расплаты горький миг.
 Прости, Всевышний, подданных моих.
 Себе просить прощенья я не в праве.

Что знал я больше: радости иль боли?
 Объятия твои – уступка воли
 Словам искусным, словно кружева.

Но помнишь – Миг?.. Пусть он уже преданье,
 Одно на этом свете оправданье:
 Все царства пали, а Любовь жива!..

ВЕНОК ЧЕТВЁРТЫЙ

Крикливо сердце, но беззвучен рот,
 А на душе холодная поземка.
 Хочу, чтоб проросли слова, как зерна...
 Наверно, так взлететь мечтает крот!

Я верую!.. Так, значит, прорастут
 И выйдут в свет своим путем тернистым.
 И ты войдешь по травам шелковистым
 В наш дом, в котором радость и уют.

Я этот миг святой боготворю,
 Но ничего тебе не говорю,–
 Кто это так со мной жестоко шутит?!

Кто это?.. Кто?! Я к зеркалу приник,
 И вижу – за стеклом стоит Двойник...
 Туман души сгущается до жути.

Туман души сгущается до жути.
 Блестящ и суетлив, как капля ртути,
 Стоит Двойник и не переложить
 Мне на него обязанности жить.

.....

.....
.....
.....
О чем я? Есть же в паспорте печать,
Но мы должны об этом замолчать,
Когда слова не выражают сути.

48

Когда слова не выражают сути,
Вселенная мне кажется иной,
И отдаюсь я трепетно минуте,
А рядом вечность плачет за спиной!

Она меня зовет на правый суд,
И не послужит то мне оправданьем,
Что вечность состояла из минут...
Как хлебом дорожу с тобой свиданьем!

Стань каждым мигом, вечностью моею,
И все свершу я в жизни!.. Все сумею!..
Не первый век любви, не первый год...

Мы так с тобою схожи и не схожи.
Строптивая судьба рвет в клочья вожжи.
Отчаянье нас в плен к себе берет.

49

Отчаянье нас в плен к себе берет
И поднимает на стальные пики
Так высоко, как будто бы в полет!..
И я уже не различаю лики

Оставшихся внизу, среди осин,
Без высоты моей, без страшной боли.
И кажется, вот-вот не хватит воли,
Я закричу: – Любимая, спаси!

Оно не даст мне для свободы мига,
Отчаянье, жестокое, как иго!
И не спасут теперь ни враг, ни друг.

Оно на теле оставляет знаки.
Оно давно готовилось к атаке.
Отчаянье, пришедшее не вдруг.

50

Отчаянье, пришедшее не вдруг,
Меня в свои заковывает латы.
Нелепого ведет меня на круг.
– Ты весел был, я требую расплаты!

Отчаянье мне предъявляет счет,
А у меня ни строчек, ни купонов...

– Художник на отчаянье растет! –
Говаривал нам Леонид Леонов.

Когда идешь перо наперевес,
И все редакции темны, как лес, –
Тебе любой откроет эту карту:

Отчайся! И откроются пути!..
... И все же на отчаянье расти
Врагу не пожелаю и ни брату!

51

Врагу не пожелаю и ни брату
Быть горькой правды правою рукой,
И вдохновенно с вырванной чекой
Носить по миру сердце, как гранату!

На собственном не выверенном вздохе
Однажды подрывается поэт.
Ему другой судьбы на свете нет.
Без этих взрывов красных мир оглохнет.
А миру жить, – и в это верю я!

Он на рассвете песней соловья
И не заметив, отпоет утрату...
И все ж иду, приемля бой и риск.

Смотрю вперед (не глянуть только б вниз)
Над пропастью по ржавому канату!

52

Над пропастью по ржавому канату
Иду один по миру, хоть кричи!..
(Случалось, пробегали циркачи:
Кто за идею только, кто – за плату.)

Любимая, меня не осуди –
Я не любитель острых ощущений.
Иного просто не было пути,
Как только этот – поперек ущелий!

Иду к тебе!.. Иду к тебе и верю,
Что ты моя Земля: волна и берег!
Лишь два рывка осталось мне... А вдруг

Ты – мой мираж!.. Надежда на бессмертье!..
И мне еще не годы, а столетья
Идти смеясь, скрывая свой испуг!

53

Идти смеясь, скрывая свой испуг,
И каждый день надеяться и верить,
И до тебя свои столетья мерить,

Сжигая мозг и напрягая слух.

И знать одно: что ты – мой вещий свет,
Что большего отчаянья мне нету,
Чем, обогнув не скалы, а планету,
Прийти к тебе, которой больше нет!

Которой нет?!. Но, звездный завсегда,
Я знаю: в этом небе навсегда ты!..
То рядом надо мной, то высоко

Светила ты – я в жизни был удачлив!
Слепой успех не требовал отдачи.
О, как я шел красиво и легко!..

54

О, как я шел красиво и легко!
Серебряными ножницами ленты
Я разрезал... И знал аплодисменты,
Но открывал не чудо, а окно!..

Что, мой Двойник зловещий, ты затих?..
Не ты над песней обливался кровью!..
Иль это все же ты, гонясь за новью,
Писал, взрывая сердце, каждый стих?!

Должно быть так заведено от века:
Нет Двойника, так нет и Человека.
Мир полон звезд и пуст, как решето!..

На муки нам дана полярность мнений.
И в каждом Человеке бродят: Гений,
Раскачиваясь праздно, и Никто!..

55

Раскачиваясь праздно, и Никто
И Гений мне давно осточертели!..
Когда б ни эти долгие качели,
Я бы с тобою был теперь... Но то,

Что здесь они, предполагает бой!..
Мне все невыносимей окруженье!..
И предстоит Великое сраженье, –
Покончить с ними, став самим собой!..

Что Гению бороться и страдать,
Жить, чувствовать и в муках умирать, –
Смерть продолжает жизнь, а не итожит!...

Вдруг победит Никто (ведь бой есть бой),
Любимая, хочу, чтоб глаз чужой
Не замечал в моих коленях дрожи!

Не замечал в моих коленях дрожи
 Ни старец убеленный, ни пострел,
 Когда меня крутили песен вожжи,
 И соловьи водили на расстрел!

Когда ту песню – хрупкую крушину,
 Ломали ветры белые, как мел.
 Когда с краями каждую кувшинку
 Я выпивал и намертво хмелел!..

Какая сила в звуке и значенье!..
 Есть на Земле одно лишь отлученье, –
 Когда душа той песни лишена!

Мне умирать от каждого колена.
 Мне никогда не убежать из плена.
 Достойный выкуп – жизнь, и лишь – она!

57

Достойный выкуп – жизнь!.. И лишь – она!
 Я никогда об этом и не мыслил.
 Но жизнь свою, как пуговицы, чистил, –
 Не придерется строгий старшина!

Ее несу, как автор дневника,
 Надеявшийся утвердиться в мире
 Писаньем детским... Мне б освободиться
 Душой, томящейся у Двойника!

Отдай мне душу! Не смотри так жарко!
 Мне для свободы ничего не жалко:
 Лиши рассудка!.. Хочешь сердце – на!

Все забери!.. Я человек достойный!..
 И слышу Двойника ответ спокойный:
 – Достойный – слишком малая цена!..

58

Достойный – слишком малая цена!
 Для человека есть крупней купюры:
 Доносчик сплетен, автор конъюнктуры,
 А честь твоя, она, увы, смешна!

Зачем нам помышлять о высоте,
 Когда душа у Двойника в закладе?..
 Неси икону в золотом окладе!..
 Теперь, дружище, времена не те!

Я никогда такого не приму.
 Я честь и сердце предлагал ему,
 Честнее были демоны и строже.

Нет общего меж нами языка.
Мы будем спорить годы и века.
Но что могу я предложить дороже?!

59

Но что могу я предложить дороже
Тебе, моя блистательная тень,
Чем искренность мою и новый день,
Когда опять вокруг одно и то же!

Смирись, Двойник (я и не знаю, кто ты?!),
На торг меня вселенский не зови!
Не продаю Любимой и Земли
Ни за какие выгоды и льготы!

Оставь меня! Конца не будет спору!
Захочешь, – мы вернемся к разговору, –
Вселенная вершит круговорот.

Спешу к любимой! Впереди дорога.
Как никогда сказать ей нужно много...
Крикливо сердце!.. Но беззвучен рот!..

60

Крикливо сердце, но беззвучен рот.
Туман души сгущается до жути.
Когда слова не выражают сути,
Отчаянье нас в плен к себе берет!

Отчаянье, пришедшее не вдруг...
Врагу не пожелаю и ни брату
Над пропастью по ржавому канату
Идти смеясь, скрывая свой испуг.

О, как я шел красиво и легко,
Раскачиваясь праздно... И никто
Не замечал в моих коленях дрожи.

Достойный выкуп – жизнь! И – лишь она!
Достойный?.. Слишком малая цена!
Но что могу я предложить дороже?!

ВЕНОК ПЯТЫЙ

61

Два существа под взорами вселенной,
Счастливых глаз от мира не тая,
Летели над землей благословенной –

И тайна, и разгадка бытия.

А позади был день обыкновенный,
Каких уже не мало прожил я.
Театр погас. Но в глубине меня
Еще смеялся твой паяц бессменный.

Ах, скорость! Захвати и исцели!
Сверши свое очередное чудо –
Сотри границы неба и земли.

Ты – Иисус наш новый и Иуда!..
В сто лошадей по полю приударь
В кристалле ночи чистой, как янтарь.

62

В кристалле ночи, чистой как янтарь,
Меняются картины, свет и краски,
И льются на поля из детской сказки
То золото Луны, то киноварь.

Законы жанра зная, как букварь,
Я начинаю драму без опаски.
Все звезды в сборе. Никакая хмарь
Не помешает солнечной развязке.

Я к ней спешу, как белка в колесе,
Движением на месте околдован.
Художник властен лишь над первым словом,

А дальше сам он зритель, как и все.
... Я удивляюсь каждой переменной.
Что это светит? Что звалось Селеной?

63

Что это светит? Что звалось Селеной?..
Нет!.. То наряды бывших героинь:
Корона Анны, крест святой Елены,
Лихой Кармен забытый георгин.

Марины Мнишек поясок бесценный...
Ах, эти роли – вечный героин!
Прости меня, я выбросил твой грим,
И оттого твой взгляд такой несмелый.

Собою стань, ведь мы с тобой вдвоем.
И не играй на естестве своем.
Оставь камня Англии и Рима.

Ты так прекрасна, милая, без грима.
Естественна, как у огня лопарь
Иль горизонта золотой алтарь.

Иль горизонта золотой алтарь,
Иль тишина звенят на тонкой ноте
Тревоги странной... Словно на охоте –
Уж нет костра, а чувствуется гарь.

И голос мой, как птица на излете...
Есть у природы строгий календарь,
Когда токует по весне глухарь,
Хоть знает, что картечь уже в полете.

Нас двое. Но с тобой мы не одни.
Глядит Луна, как птица с обелиска.
На сцене – риск, а в жизни нету риска.

Жизнь – риск сама и сцене не сродни.
Ах, если б не Любовь, как нож над веной.
Ты ль победительница? Я ли пленный?

Ты ль победительница?.. Я ли пленный, –
Нам не уйти из рокового круга:
Стать смелыми, не испытав испуга,
И – мудрыми, без юности надменной!

А если встать над этой жизнью брэнной?!
Отдаться чувству и глазам друг друга,
Спасет ли это землю от недуга
С оглядкой жить – привычкой самой древней?

Бросаю вызов каменным векам,
Твоим глазам, улыбке и рукам!
Быть пленниками – то не наша доля.

Свобода – мы! Все прочее – неволя...
Но мир недвижим. Пламенеет марь...
Мы замурованы с тобой в январь.

Мы замурованы с тобой в январь.
Нам друг от друга никуда не деться.
Мы не уходим памятью из детства.
Лихое время, ты меня не старь!

Тяжелым камнем в нас любовь ударь,
Чтоб нам с тобой, как птицам, разлететься.
Есть от любви единственное средство –
Сама любовь – богов жестокий дар.

Они уж здесь – языческие боги.
Трубят в рога, торжественны и строги.
С ковшом медведицы летит корчмарь!

Но нам не надо ни вина, ни дома.
Дом золотой – пшеничная солома.
Нас освещает древний пономарь.

67

Нас освещает древний пономарь,
Следы зверей читая в белой книге
Полей, одетых в ржавые вериги,
Воздев над миром голубой фонарь.

Любовью наказуемы интриги.
Палач живет в нас каждом и бунтарь.
Не слышен благовест. Уснул звонарь,
Как мышь, всю ночь скребущаяся в риге.

И крыльев я тебе не обещал.
Зачем они? Бескрылым в жизни легче.
Крылатые выклевывают печень

У жертв своих, как ворон завещал.
И светит им не пономарь, а гений
Лампадами космических селений.

68

Лампадами космических селений
Освещены события всех эпох.
Я становлюсь всеильным... Это Бог
Дарует мне великий миг прозрений.

Шлем предо мною, а не серый стог...
Я – воин всех времен и поколений.
И женщина – источник вдохновений...
О, Господи, как я к себе не строг!

Раскаянье? Нет! Это оклик поздний
Забывшего меня... Проходит лось,
И слышно, как скрипит земная ось...

И я растерянно гляжу на звезды,
Ты – будущее иль мой старый след?..
Твои глаза вдруг озарил их свет.

69

Твои глаза вдруг озарил их свет!
Фантазия мне голову вскружила,
И я уже лечу неудержимо
В твои объятия, которых нет!..

Твое недоумение в ответ.
Ах, молодость, ты так опровержима:
В тебе родилась, а во мне отжила,
Все побеждая, суета сует.

Душа твоя в руках моих кричала,
Что нас с тобой природа обвенчала,
Что среди звезд был совершен обет...

Но мы стояли и себе дивились,
Как будто только в этот мир явились.
Ведь нам с тобой по миллиону лет.

70

Ведь нам с тобой по миллиону лет.
Мы так давно живем на этом свете.
На нас лежит любовь тысячелетий,
Куда мы с ней, я – ночь, а ты – рассвет?!

Литавры знали мы с тобой и плети.
Коран читали так же, как Завет.
Поверь, родная, это не навет –
За всех, любовь не знавших, мы в ответе!

Стоим с тобою посреди зимы
Трагического стылого столетья.
На твой призыв высокий не ответь я,

Что было б с нами?.. Да и были б мы?!
Снег укрывает нас горячим пледом.
Мы молоды... И не единым хлебом!

71

Мы молоды... И не единым хлебом,
А страстью, разрывающей нам грудь.
И мы ступаем в роковой наш путь
Так смело, будто нами он изведен.

Из века в век, не смея отдохнуть,
Так мы и ходим друг за другом следом,
Не встретившись за царственным обедом
Любви, опережавшей нас чуть-чуть!

Какой меня ты одарила данью,
Собой весь мир огромный полоня,
Когда сказала: – Поцелуй меня! –

Приказ и милость. Радость и страданье.
Два слова примиренья и борьбы.
Два крика. Две отчаянных мольбы.

72

Два крика. Две отчаянных мольбы.
Мгновение, – и навсегда мы вместе!..
Любовь порой сродни кровавой мести
Без поножовщины и без пальбы.

А мы твердим о доблести и чести...
Ах, как красиво, если б не следы
Копыт коней, встающих на дыбы
От поцелуев черных, словно крести.

Пусть боль, пусть радость, – мы благодарим
Судьбу за то, что выбросили грим,
Что, кажется, коснись лишь веком века,

И мы найдем разгадку Человека!..
Наивное желанье голытьбы...
Как жаждем мы с тобой одной судьбы!

73

Как жаждем мы с тобой одной судьбы!
Мы жить с тобой, любимая, устали,
Своей души не закрывая ставен
Для светоносной, но пустой гурьбы.

Он сдан давно, коль был, Любви экзамен...
Но отчего ни свадеб, ни гульбы?..
Где молодой косец в разгар косьбы
Сломал литовку о ничтожный камень?

Сказать, что струсил? Нет! Я жил, как мог.
Свидетели тому лишь ты да Бог.
Но Слова я не выдал на потребу!

И знаю, что пока жива земля,
К тебе одной стремиться буду я,
Хотя б на миг под этим вечным небом.

74

Хотя б на миг под этим вечным небом
Услышать глухарей весенний ток!
И в этом есть какой-то высший толк,
Жестокий толк, который мне неведом.

Не дрогнул окаянный Святополк,
Нож заноса над неподкупным Глебом...
Братоубийцей никогда я не был,
Но скалит зубы мной убитый волк.

Нелепо говорить ему: – Прости!..
Пять дней назад он рыскал по степи,
Волчицу диким запахом пьяня.

А я забыл, что на земле нетленной
Сто тысяч раз страдали до меня
Два существа под взорами вселенной.

75

Два существа под взорами вселенной

В кристалле ночи чистой, как янтарь.
Что это светит? Что звалось Селеной?
Иль горизонта золотой алтарь?

Ты ль победительница? Я ли – пленный?
Мы оба замурованы в январь.
Нас освещает древний пономарь
Лампадами космических селений.

Твои глаза вдруг озарил их свет,
Ведь нам с тобой по миллиону лет.
Мы молоды. И не единым хлебом.

Два крика. Две отчаянных мольбы.
Как жаждем мы с тобой одной судьбы
Хотя б на миг под этим вечным небом.

ВЕНОК ШЕСТОЙ

76

Сонет доступен только мастерам,
А нам – частушки иль чего попроще,
Нам – соловьи банальные и рощи,
Ромашки и похмелье по утрам...

А если мы устали от зарниц ?
А если нам, крылатым, неба мало?
А если мы трезвы, как стая птиц?
И нам той высоты недоставало?!

Неведомы лишь Господа пути,
Мы ж знаем, как в историю войти,
На каждый век у нас свои пароли.

“Без страха и сомнения – вперед!
Работайте, а слава вас найдет!”–
Учили нас в литературной школе.

77

Учили нас в литературной школе,
А мы порой над мыслью не вольны.
И сердце, словно лодка на приколе,–
Ни бурь ему житейских, ни волны!

Теперь друзей, как говорят, не густо...
Ах, годы, годы – вешняя вода!
Забывчивость прощительна тогда,
Когда она не подменяет чувства.

Как превратить слова пустые в крики?
Ни память не поможет нам, ни книги,
Еще не слово и не крик – ура!

Есть у искусства лишь одна основа,
И превратится звук в большое слово.
Но если кровью он течет с пера!..

78

Но если кровью он течет с пера,
То станет Чувством, станет светом вечным
Твой долгий взгляд, чужим и быстротечным
Мгновеньем показавшийся сперва.

Живым испепеляющим огнем,
Моим страданьем, ненавистью, страстью,
Стремленьем к Истине, порывом к счастью,–
Весь мир огромный отразится в нем.

Души тяжелый занавес закрыт.
Но кто-то там без усталости твердит
Былой судьбы заученные роли...

Я не хочу!.. Мне нет пути назад!..
И светит мне моей любимой взгляд,
Освобождая от великой боли!

79

Освобождая от великой боли,
Пришли герои – “быть или не быть?”
Мне вместе с ними мыслить и любить.
И не ищу я в жизни большей доли.

Приветствую падения и выси
Ко мне пришедших из иных эпох.
Но отчего, скажи мне, ты ж мой Бог,
У них глаза твои, поступки, мысли!..

В искусстве есть невидимые грани.
Поэт бессилен, если он нормален,
Но грань прошел – и кончена игра!

Художник, не страшись того предела!
В своем стремленьи Землю переделать
Как не рискнуть чуть дальше, чем вчера?!

0

Как не рискнуть... Чуть дальше, чем вчера,
Явился лебедь белый в поле чистом
И подарил нам два больших крыла,
Оставив их на травах серебристых.

Два на двоих. Нам мало по крылу.
Кому-то надо на земле остаться.
– Лети, любимый!.. Мне ли сомневаться?
Ты не взлетишь, – я все равно умру.

Что я тебе оставил, кроме ран?
Любой поэт, по существу, тиран.
В душе открытой есть свои заставы.

– Люби меня, – просил я об одном.
И полетел. И на небе седьмом
Вкусил я унижения и славы.

81

Вкусил я унижения и славы.
Поверь, что это было нелегко.
От униженья к славе далеко.
Я думал, годы ждут здесь переправы!

Какая ослепительная ложь!
Они близки до головокруженья.
Без униженья к славе не придешь.
Без славы не познаешь униженья.

Быть гордым иль пойти на компромисс?..
Взбираться вверх иль опускаться вниз?..
Не все ль равно?.. И может, люди правы,

Что я потерял для себя и всех...
Я знал улыбки лживые и смех,
Теперь они явились для расправы!

82

Теперь они явились для расправы,
Презрев пустую суетность мою.
И нет на них ни слова, ни управы,
Но я и сам себя за то виню!

Средь небылиц моих и всяких былей
Я часто путал милых имена,
Но лишь одну тебя назвал любимой,
Любимой пронесу сквозь времена!

Тебе спасибо, что все это свято.
Что ты меня любила больше брата.
Жду счастья, как удара топора!..

Сбежались люди, и сомкнулись фланги...
Но кто это стоит – палач иль ангел?..
И громогласно требует: – Пора!

И громогласно требует: – Пора!
Сойди в долину, где свежо и дико.
Надень ружье, возьми с собою Дика,
Здесь до зари стучат перепела!

Вновь тяжелы российские поля!
Не торопись палить в лису нулевкой,
А растворясь в природе дымкой легкой,
Вдруг ощути, что ты и есть Земля!..

И коль дано прожить мне много жизней,
Лишь этот край мне называть Отчизной!
Граница – в сердце!.. На земле – черта!..

С годами мы и опытней и строже,
Но ничего нет Родины дороже!
Душа моя, я знаю, не черства!

Душа моя, я знаю, не черства.
Ты отзовешься на любые крики.
И ты болишь, когда кричат безлико:
Пиши цветы, а Родину оставь!

Мне говорил, вперяя взгляд невинно,
Профессор (с позволения сказать!),
Что Родину любить теперь наивно,
Но он хотел бы все ж меня читать!..

Эх, критик!.. Землепашец без сохи!..
Хоть раз бы прочитать твои стихи,
Ведь ты о наших говоришь искусно!..

Что б значил ты без звонких причиндал?
Какую песню ты народу дал?
Я презираю праздное искусство!..

Я презираю праздное искусство.
Людей высоких, словно фейерверк.
И, задирая голову наверх,
Гляжу им в души – там темно и пусто!

Скребуются мыши по углам души,
Им кажется, что напевают музы.
Какие их соединяют узы
С неотвратимым и святым: – Пиши!

Как я устал от суетной игры
Седой литературной детворы,
Их правоты, дешевой как капуста!

Им проповедовать до немоты,
Маяя белый лист до черноты
И стискивая голову до хруста!..

86

И, стискивая голову до хруста,
Я сам глядел на острый окаем
Хребтов Тувы и сопок Златоуста –
Искал я слово, схожее с огнем!..

Я думал, в слове все богатство века,
Что мы бессмертье в слове познаем,
А не хватало просто человека,
Явившегося в облике твоём!

Ты здесь, со мною, и не знаю, где ты!..
Но мы с тобой друг другом обогреты,
Пусть ни реки меж нами, ни моста!..

Что есть борьба?.. Что – разума свеченье?..
Не отвечай!.. Ведь нет у слов значенья, –
Ищу не слово – жажду естества!

87

Ищу не слово – жажду естества.
Борьбы, Любви и Самоутвержденья!
Что без поступков наши убежденья?
Есть формула, но нету вещества!

В поступке – жизнь! И потому я снова
Твержу – критерий истины лишь он.
Смешон не тот, кого лишили слова,
А тот, который действия лишен!

Я ошибался много раз, но разве
Перо – не наказание, а праздник,
Когда душа, как белый лист, чиста?!.

В одном уверен, если я не струшу,
Коль пронесу непримиримой душу, –
Поэт тогда достигнет мастерства!

88

Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда забудет все слова и строки,
Учителей и ласковых и строгих,
Своею песней зазвенит с листа!..

Когда, не помня вековых обид,
Весь мир простит, как следует поэтам,
Даст имена свои чужим предметам
И все народы враз усыновит!..

Берущиеся праздно за перо,
О, как обжечься можно об него!
Предостеречь вас должно, как ни грустно...

По дальним странам клонит вас к гульбе,
Но человек откроет мир в себе,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!

89

Когда постигнет в совершенстве Чувство,
Он остановит времени разбег.
И каждый миг свой проживет, как век.
Есть Родина – так будет и искусство!

Я не устану всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, Любимая и Мать!..

Проселками, ольхою, снегирями
Я пользовался, словно словарями.
Листал снега и доверял ветрам.

Еще не знаю, что мне скажут люди,
Но ловкий критик вновь меня осудит –
Сонет доступен только мастерам.

90

“Сонет доступен только мастерам”, –
Учили нас в литературной школе.
Но если кровью он течет с пера,
Освобождая от великой боли, –

Как не рискнуть! Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы,
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют: – Пора!

Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И стискивая голову до хруста.

Ищу не слово – жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!..

ВЕНОК СЕДЬМОЙ

91

Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу,–

Так думал я... И было так всегда
С тех пор, как в небе вспыхнула звезда,
Дарящая покой, а не тревогу.

Так почему нас тянет не туда,
Где райский свет небес разлит по логу,
А в бездну, в пекло, к самому порогу,
Куда попасть не стоило труда?

Вершина перед нами или пропасть, –
Нас все равно охватывает робость.
Вон облако несется, как Ковчег.

Уже готов за ним я увязаться:
– Прапрашур Ной, возьми хотя бы зайцем!..
Чего ты ищешь в мире, человек?

92

Чего ты ищешь в мире, человек,
В глаза любимой падая, как птица,
Ведь не за тем же, чтобы в них упиться,
Как ястреб, окропляя белый снег?

Ловя слезу губами с теплых век,
Надеешься ты вновь переродиться.
Но ведь к чему-то большему стремишься
Душа, заслышав сзади хищный смех.

Она, не зная нашей суеты,
Летит на вечный поиск красоты,
Прислушиваясь к каждому отрогу,

Излучине, затону, тальнику...
Душа свободы жаждет, потому
Мы привыкаем к ближним, как к острогу.

93

Мы привыкаем к ближним, как к острогу.
Не их вина, что меркнут чудеса,
И время, словно нудная оса,
Звенит и приближает понемногу

К земному неизбежному итогу...
Не потому ль, чуть высохнет роса,
Забыв про все, припав спиной к стогу,
Мы взгляд свой устремляем в небеса!..

И вот уже несемся по долинам
Наивные – нам не взлететь, бескрылым,
Ведь мы к земле приписаны навек.

У нас не крылья за спиной, а торба,

И сердце безнадежно бьется в ребра
Земного бытия. Нам смерть – побег.

94

Земного бытия (нам смерть – побег!)
Не избежать. Мы в мире этом суци.
И космоса загадочные кущи
Нас манят тайной. Разве это грех?

Все на земле устремлено наверх.
Мы ничего в природе не нарушим.
И, коль зерно катком в муку расплющим,
Из под асфальта вырвется побег.

Любовь им движет или естество?
Ответа нет. И не найти его.
Но нет бессмертью большего залога.

Чем тот, когда, пронзая светом тьму,
Душа твоя взрывается: – К нему!
К нему!.. О, стражи, не судите строго.

95

– К нему!.. О, стражи, не судите строго,
И не спешите женщину казнить.
Ей суждено мгновеньем ослепить
И одарить прозрением надолго.

И это – тайна, а не чувство долга.
Любимая, тебе ее хранить.
С твоих ладоней мне бессмертье пить,
А не в строках, что выглядят убого.

Дымит трава до самой синей дали.
Уложены дрова. И звон кандальный
Гитары, нависающей, как стерх...

Одна искра – и вспыхнули б поленья,
Но грудь мою сдавили так сомненья,
Что я простую истину отверг.

96

Что я простую истину отверг,
Я понял позже, в день, когда бездомно
Душа металась, словно примадонна,
Что стала нищей на глазах у всех.

Поправить дело не было помех, –
Душа – потемки и она бездонна,
Но, гордостью врожденною ведома,
Подачек не брала. Знать, не из тех...

Она сидела молча, без огня,

Отчаянно взирая на меня,
Как путник на разбитую пирогу.

Душа спасется, благостен тот миг, –
Заслышав журавлей призывный клик
И отыскав заветную дорогу.

97

И, отыскав заветную дорогу,
Я полумертвым пред тобой упал,
И что-то неразумное шептал,
С трудом примеривая слог ко слогу.

Мела метель. Сквозь царственную тогу
Зимы мерцало солнце, как опал,
Меня краски... Чуда я не ждал,
Хотя в него и веровал, ей-богу!

И вдруг с небес, тяжелый, словно бивень,
Ударил мне в лицо весенний ливень,
Стремительный, внезапный, как набег...

Я жадно пил живительные капли
И, как актер, расстрелянный в спектакле,
Ушел живым, а не окончив век.

98

Ушел живым, а не окончив век,
Когда меня несли на край обрыва
Два облака твоих, два белых взрыва
И две волны нетронутых Онег.

Бескрылы мы... Но, может, то – навет
На ветер, травы щиплющий игриво.
И, может быть, достаточно порыва,
Чтоб нам взлететь... И это был разбег.

– Ах, быть чему, того не миновать...
Что я на это мог тебе сказать?
Мы так с тобою вознеслись высоко,

Что для того, чтоб только быть и сметь
Самим собою, стоит умереть.
Но примет ли Он беглеца до срока?

99

Но примет ли Он беглеца до срока
С той нежностью, какой дарила ты,
Иль вновь меня осудят с высоты
Его холодные глаза упрека?

И я услышу неба властный рокот:

– О Боге возмечтал, а сам – в кусты!
А как же вечный поиск красоты
И смертный бой с воителями рока?

Я все приму. И стрелы все стерплю.
Я никому не говорил: – “Люблю!” –
Никто в любви не может дать зарока.

Но стать предтечей будущих времен
Твоей слезою я приговорен.
Иль в дерзости моей не будет прока!

100

Иль в дерзости моей не будет прока...
Подумаешь, еще один полет.
Но зрит за мной всевидящее Око,
И не уйти мне из его тенет.

О, как ломает время нас и гнет.
Бессмертье – не спасенье, а морока.
Но красота не ведает порока,
Она – свобода. Остальное – гнет.

Все в мире неустойчиво и зыбко,
Но не Джоконды ложная улыбка,
Не рощи обнажающей грусть,

Не поражающий дракона воин...
Пусть я свободы этой не достоин,
Но знаю, что в острог я не вернусь.

101

Но знаю, что в острог я не вернусь.
И, если нужно жизнь начать с истока,
Я брошусь в синь волшебного потока, –
Вновь молодым и сильным обернусь.

И на себя возьму великий груз –
Карать любовью мир. Карать жестоко.
... Я прикоснулся к вечности. И только.
А сколько грез! И я их не стыжусь.

Нависло небо, как твои глаза.
И слышно мне, как падает слеза...
А, может, это чье-то наущенье?

Библейской мысли грубый перифраз?
Тогда за это мне Господь воздаст,
И не любви достоин я, а мщенья.

102

И не любви достоин я, а мщенья.
Не уходи, любимая, стой.

Мне мучиться отныне красотой,
Явившейся на свет во дни творенья.

Миров далеких слышать дуновенье
И упиваться бабочкой простой,
В огонь летящей, словно на постой
Неодолимо вечного мгновенья.

Но без тебя, без глаз твоих и рук
Не станет музыкою этот звук,
Как – соколом, – птенец без оперенья.

Восстанови времен былую связь! –
Я повторяю это, не казнясь,
Но, все-таки, надеясь на прощенье.

103

Но, все-таки, надеясь на прощенье
(Тебе одной дано меня понять!),
Хочу я тихим словом мир объять,
В котором и покой и очищенье.

Но где-то там, среди звездного ущелья,
У Князя Тьмы всегда готова рать –
Разверзнуть, разграничить, и разъять...
И потому не знать мне утешенья.

Не знать мне утешения?! Доколе?
Когда спокойны мы лишь в непокое,
И мир не первым изменить я тщусь.

Тобой приговоренный к Высшей Мере,
Счастливый раб, прикованный к галере,
Пишу тремя перстами, как молюсь.

104

Пишу тремя перстами, как молюсь.
И, если твоего коснется слуха
Моя молитва, значит, жил для Духа,
А не присасывался, как моллюск.

И, может быть, еще я пригожусь,
Когда пройдет вселенская разруха,
Осядут звезды тополиным пухом,
Святой и белой оставляя Русь.

Не все к спасенью сожжены мосты.
Стать матерью Любви и Красоты
Ей ангелы слетятся на подмогу.

Припав к любимой, словно к алтарю,
Великий грешник, снова говорю:
– Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу.

105

Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу.
Чего ты ищешь в мире, человек?
Мы привыкаем к ближним, как к острогу
Земного бытия. Нам смерть – побег

К Нему. О, стражи, не судите строго,
Что я простую истину отверг,
И, отыскав заветную дорогу,
Ушел живым, а не окончив век.

Но примет ли Он беглеца до срока
Иль в дерзости моей не будет прока?..
Но знаю, что в острог я не вернусь.

И не любви достоин я, а мщенья.
Но все-таки, надеясь на прощенье,
Пишу тремя перстами, как молюсь.

СОНЕТЫ РОССЫПЬЮ

106

Не стань поэтом, не увидеть чтоб
В любом движенье – тайное значенье.
Я наблюдал, как опускали гроб
Не с криком, а со вздохом облегченья!..

Когда, казалось, и понять нельзя:
Пел муэдзин иль поп молился русский...
Я видел рядом женские глаза –
Освобождалось сердце от нагрузки!

Кладбищенский ударил соловей,
И вздрогнул я от горести своей –
Нам каждый день и радость, и мученье...

Не дай нам Бог средь нашей суеты
Похоронить Высокие Мечты
Не с криком, а со вздохом облегченья!

Когда уснешь, я напишу стихи
 С высокими, мохнатыми стогами,
 Чтобы они твой сон оберегали,
 Как влагу леса вековые мхи.

К вершинам гор, где дышится свежо,
 Я уведу тебя тропой лосиной.
 Лес воспалю не факелом – осиной,
 Чтоб небо он холодное ожег!

И станет ночь и теплою, и светлой.
 Ты будешь говорить с ветлой и ветром,
 С манящими огнями вдалеке,

С резными золотистыми гербами.
 И вдруг во сне, прильнув к ручью губами,
 Проснешься рядом на моей руке.

С тобою – вечность. Без тебя – мгновенье
 Я никогда не различал межи
 Меж настоящей Женщиной и Тенью,
 Меж двух огней: Небытие и Жизнь!

Мы получили то, чего хотели.
 К тебе прикован сердцем – не кольцом!
 Но не обижу даже тень от тени,
 Упавшую любимой на лицо!..

Беспечности веселой нет в помине.
 За все у нас заплачено отныне.
 Но, отвергая в этой жизни торг,

Мы в щедрости своей легко, невольно
 Такой друг друга одарили болью,
 Что нам не нужен дней былых восторг!..

Тебе приснилась чистая вода.
 О, как хотелось в ней тебе омыться,
 И ты, взмахнув крылами, словно птица,
 Разбила в брызги зеркало пруда.

Тебе приснилась чистая вода!..
 А это значит – жизни обновиться.
 Привычные еще мелькали лица,
 Но ты моей уже была тогда.

С той самой первой праздничной весны
 Я вижу, как твои тревожны сны.
 Любимая, но пусть тебе не спится...

Не спится пусть, но пусть и никогда
 Тебе не снится чистая вода,
 Которой наяву нам не напиться.

Безумная, летящая комета
 Один твой миг – поэта вечный свет.
 Быть может, ты уже сгорела где-то,
 В душе моей оставив белый след.

Благодарю, летящая, за это
 Соотношение моих планет,
 Ведь нам – другого счастья в мире нет,
 Чем – умереть от собственного света!

Не первую и не последней ты
 Отражена была в глазах толпы,
 Загадывающей свои желанья.

Полнеба вещим криком полоня,
 Толпа кричит и требует огня,
 Как требует горящий состраданья!

Я в этой жизни многими любим,
 И мне досталась страшная привычка:
 Я обжигался пламенем твоим,
 А сам горел, как тоненькая спичка.

За что ж мы так судьбу благодарим?!
 Любимая, я не хотел об этом...

Но я навек твоим пронизан светом,
Твоим дыханьем, именем твоим!..

Ведь в этом мире знаем только мы,
Какими черными бывают дни,
Какими ослепительными ночи!

Мы умирали и рождались вновь.
Жестока безответная любовь.
Ответная любовь еще жесточе!..

112

– Я все снесу. Я сильная, мой друг!
Я поднимаюсь на любые горы,
В коня, как гвозди, забиваю шпоры,
Но мне сегодня захотелось вдруг

Расплакаться и побежать домой
И не искать слезам своим причины...
Я никогда не знала, милый мой,
Какая радость – быть слабей мужчины.

– Любимая, как ждал я той минуты
Освобожденья от душевной смуты
Той женщиной, единственной в судьбе.

Как на душе теперь легко и снежно!
И я смотрю, как сильно и как нежно
Та Женщина рождается в тебе.

113

Набито небо солнцем, как сума.
И все вокруг торжественно и ново.
Из уст моих летит не крик, не слово,
А искренность крылатая сама.

Да здравствует свобода бытия,
Свобода мыслить и любить свобода!
Уже земля не ждет в томленья всходов,
А колосятся радостью поля.

Но что там? Ворон? Лебедь – впереди?
В час горького сомнения приди
Крылом к крылу с высокими орлами.

Я не был в жизни слабым никогда
И все ж прошу, коль грянут холода,
Любимая, укрой меня крылами.

– Любимый мой, ты из меня растешь
Я стала, как земля, тебе покорной.
Всю грудь мою твои пронзили корни.
Где ты, где я – не сразу разберешь.

– Любимая, ты слышишь, что на мне
Сто юных соловьев и старый коршун.
Не удержать тебе такую ношу
Среди ветров, кипящих на земле.

– Мы выстоим перед любой Судьбою.
Навеки я, любимый мой, с тобою.
Спокойно правду принимай и ложь.

Пусть гнутся те, кому бежать нейдет,
А на тебе пусть лист не шелохнется.
Мне больно это – из меня растешь!..

– Когда, любимый, устыдится
Меня твой взгляд, то ты – не мой.
Впусти луну. Окно открой.
Пусть осень высветит нам лица.

Поэзия обнажена
В моем обличье пред тобою.
Не я сейчас твоя жена...
Ты с ней, любимый, – не со мною.

А я молчу. Гляжу, как живо
Играет тоненькая жилка
И локон на твоём виске.

Не говорю тебе ни слова.
И увлеченно снова, снова
Рисую счастье на песке.

Опять тебя пронзила эта боль,
И ты остановилась на дороге,
Меня вдруг вспомнив на своем пороге
С бумажными цветами... – Ах, уволь!

Зажили раны, что ж ты сыплешь соль?
Слова твои и праведны, и строги –

Так бросившие пить, глаза в ноги,
Бормочут мне, как вреден алкоголь.

Они давно одумались, а я вот
Пьян снова от твоих волшебных ягод.
Пьян в одиночестве... И эта грусть

Не от того, что я не знаю, где ты...
За сердце на другом краю планеты
Не от восторга, милая, держусь...

117

Останови мгновенье! Ты – вольна
Но ты сама – движенье. Ты – волна.
И потому на лодке без весла
Меня с собою в море унесла.

Но было что-то дерзкое во мне,
Я все же удержался на волне.
И пусть я горизонта не достиг,
Я все отдал, чтоб повторить тот миг.

...Что я теперь сказать тебе могу,
Когда опять один на берегу,
Когда твой голос жжет сильнее огня:

– Зачем ты, милый, отпустил меня?
Щекой горячей вновь к воде прильну.
Но разве можно удержать волну?..

118

Жить без любви не стоило труда
Как мне теперь с такой любовью выжить?
Прозрачный день зимы себя нанижет
На нитку бисера... И, как всегда,

Вздохнет мой пес, уставясь в никуда,
Он понимает, не читая книжек,
Что никогда на мне он не залижет
Открытой раны твоего суда.

Не знал любви, но и не знал позора –
Казниться, не услышав приговора.
Любимая, скажи мне, что со мной?

Заря тончайшим инеем расшита...
Все в этой жизни было пережито.
Все, только жизни не было самой.

Пропал сто девятнадцатый сонет
 О чем он был – теперь я не припомню.
 По прошлому блуждаю, как по полю.
 Снега давно запорошили след.

Любое слово – это лишь навет
 На то, что было... Мы чужую волю
 Лелеяли, как собственную долю.
 Тому, что будет, – выраженья нет.

И, чтоб не омрачать весну былую,
 Я не пишу стихов – тебя целую,
 И ты мне улыбаешься в ответ.

Мы все еще в том неразъятном круге.
 И ты напрасно говоришь в испуге:
 А где сто девятнадцатый сонет?

Мы к праздникам, как дети, ждем обнов –
 Игрушек и затейливых, и ярких.
 Спасая откровением любовь,
 Друг другу дарим странные подарки.

В растерянности не находим слов
 Для кукол, обступивших оголтело.
 Глядим в глаза взлохмаченных голов,
 Уже давно оторванных от тела.

Им не моргнуть, и рта им не открыть.
 Как мы могли друг другу их дарить,
 Прошедших, и не раз, уже по кругу?

Жестоко с ними обошлась Судьба.
 ...Но, на мгновенье в них признав себя,
 Не лучше ль не кричать о том друг другу?

Не наговор, не горькая примета,
 А приговор, звучащий не в нови:
 Душа моя, как мельница без ветра,
 Мертва навеки без твоей любви.

Зеленый плющ сомнения обвил

Твои слова... И вспыхнул алым цветом.
Ты плачешь, не прощая мне обид.
Стою один посередине лета.

Равнодалеки осень и весна.
Но жизнь моя, как синий день, ясна.
Я жду стрелы. Я в половецком стане.

Крылат ее отчаянный полет.
Ты слышишь, милая, она поет.
Еще мгновенье... И меня не станет.

122

Как воин, потерявший меч и щит,
Не различавший темени и света,
Я слеп. И, если вспыхнет где комета,
Она меня уже не ослепит.

От суетливой дружбы, от навета
Меня недуг спасет и защитит.
Но глаз твоих открытых, словно лето,
Зеленый свет всегда во мне горит.

И потому я вижу: над лесами
Большая птица сильными крылами
Объемлет мир, не ведая помех...

Я слышу клик, летящий над полями.
Все ближе он. Он поравнялся с нами...
На землю падает зеленый снег.

123

Женщина плачет, а он сочиняет сонет
Женщина просит воды – не волны и не моря.
Что это значит? И что ты такое, поэт?
Радость той женщины иль беспросветное горе?

Женщина плачет, не в силах со стула привстать.
Ты ж ей – о силе и доблестях князя Олега.
Если не можешь и малого горя унять,
Как же мы справимся с миром, двойник и коллега?

Что ж ты такое? Не мне тебя, право, судить.
Только я верю, что тонкая к Женщине нить
Станет Судьбою. Единственной в жизни стезею.

Тихо лежит на плече твоём чья-то рука.

Это она. Не спугни ее. Словно река,
Ты начинаешься в Женщине этой слезою.

124

Любовь тогда всеильна и крепка,
Когда она обожжена страданьем,
И мы друг друга обложили данью
Кровавою, как в средние века.

Ветрами всех столетий просквозя,
Нас вечность бьет хлыстом монгольских конниц!
Мне за твои зеленые глаза
Не расплатиться золотом бессонниц!..

Я сам кочевник, милая!.. И мне
Опять не спится на твоей кошме.
Нас снова степь сегодня укачала,

Да так, что мне волненья не унять:
Прожить полжизни, чтобы вдруг понять,
Что это только самое начало!

125

Свеча мерцает. Чаша налита
Миг ожидания полон светлой грусти.
Шаги твои я слышу в каждом хрусте
Расколотого молнией креста.

На старого влюбленного шута,
Что возмечтал вдруг о взаимном чувстве,
Похож я. Смейся... Сердце не отпустит...
И небо как могильная плита.

Монетами на паперти слова
Я собирал. Не кайся, ты права,
Что не пришла, – не много в том отваги...

Спектакль окончен. Занавес закрыт.
Дежурный свет едва в душе горит.
Чего ж ты ждешь, мой ненаглядный ангел?

Март 2000 г.

126

Забытый замок. Мох. Стена. Камин
И вековых часов витые стрелки.
И за окном решетчатым – не белки,
А старый ворон, что всегда один.

Седая мудрость – царство древних книг.
И в кресле друг надежный, словно викинг.
И друга друг с гитарою – Аникин.
И с доброй мордой – поседевший Дик.

Поленьев треск, и эхом – моря всплеск.
И по стене камней холодный блеск.
И запах обмороженных вязанок.

Сонета величавая строка.
Зеленые глаза. Плечо. Рука.
Вселенная. Земля. Забытый замок.

127

Вошла, неожиданная, как смерть
Сказала, бросив в угол книжку:
– Друг мой, не увлекайтесь слишком,
Я – только руки обогреть.

Я бросил в печь кусок ольхи.
Впустил огонь, чуть скрипнув дверцей.
Пожег любимые стихи.
И отогрел пустое сердце.

Торжественно и ни о чем
Пел хор... И уходил свечой
Дым в небо, тая в круговерти

Тайги... Ненужная, как смерть,
Пришла – лишь руки обогреть...
И не ушла до самой смерти.

128

Все судим да рядим: что будет с нами?
Но быть чему, того не миновать.
Нам рано, слишком рано умирать,
Но чем спастись: явью или снами?

Отмерено небесными весами
Нам поровну (тебе и мне) – страдать.
Единственная наша благодать –
Бежать друг к другу черными лесами.

И кажется, что ни Господь, ни люди
Нас никогда с тобою не рассудят.
Да их и нет: ни Бога, ни людей.

А есть лишь крик вселенский: что же будет?
Уже кричим не мы, а сами Судьи,

Как потерявший деньги иудей.

129

Ты выплыла, как золотая рыбка,
Из самой глубины моей души.
И озарила дом твоя улыбка.
И я услышал голос твой: «Пиши!..

Пиши крылом на небе... Иль самим
Лучом зари по утреннему полю.
Я все твои желания исполню.
Ты будешь славен, знатен и любим».

И ничего взамен не попросила.
Во мне такая разыгралась сила:
Я мял слова, как глину, и лепил.

Лепил тебя!.. Тебя – не изваянье!
И вдруг... я услышал твои желанья,
Все золотые горести твои...

130

То страх, то просьба, то мольба,
То вдруг отчаянье метнутся
В глазах твоих... Мне б улыбнуться,
Сказать, что ты – моя Судьба,

Я ж вспоминаю то, что снится
Мне страшный сон который год:
Я из ружья палю по птицам,
Удачно встав на перелет.

От неизбежных попаданий
Тебе добавила страданий
Моя безумная пальба...

Теперь она не сон, не игры,
А боль сама... Стальные иглы.
И страх. И просьба. И мольба.

131

Твой взгляд спокойный, как луна,
Меня и радует, и нежит.
Но лишь печаль в глазах забрезжит,
Как начинается волна!

Накатывает тихий гром
Издалека... И сердца глыба

Ворочается, словно рыба,
Ударенная вдруг багром.

Когда и кем сомнений коршун
Был камнем в наши души брошен?
Чьи удаляются шаги?

Чья тень мелькнула под откосом?
Жизнь прожита. И нет вопросов.
Но все еще идут круги.

132

Невечна красота, восторг же – вечен.
Стряхнув росу, беспечна и нага
Блестит роза. Ей похвастать есть чем –
Природа все дала ей, что могла.

Она открылась солнцу, и пчела
Берет весь день свое... И лишь под вечер
Все лепестки в тугой сомкнутся венчик,
И до утра их вновь покроет мгла.

И до зари, крадущейся по-лисий,
Все спрятано: и красота, и мысли...
О, Господи! Далась же мне цветы!

И впрямь, без них нельзя прожить как будто.
Но я б не ожидал с надеждой утро,
Когда той розой не была бы ты!..

33

Есть в откровенье тонкая черта,
Чуть зримая, как фантики из детства.
Черту переступая, неспроста
Мы наступаем ближнему на сердце.

И, если любит этот человек,
Он страшно улыбается от боли...
Так намерзающий в долинах лед
Зовем тепло – воротником собольим.

Природа не простит и малой фальши.
К чему слова бессмысленные ваши?
Любимая, я вырос на полях.

Твоя улыбка – горькая уловка.
Как вьюжит нас любая недомолвка!
Ты вся в снегу стоишь – не в соболях.

Сидит ворона, что-то теребя,
 На опустевшей обрешетке сада.
 То ль осень листья сорвала, скорбя,
 То ль оголились ветки после града?..

Пустую землю эту возлюбя,
 Я счастлив, как у золотого клада...
 Но ты не веришь... Что же, на себя
 Чужую душу примерять не надо.

Безвестность не грызет меня в ночи.
 Спасибо, если филин прокричит
 И промелькнет зарница, как «юпитер».

Что славы звук пустой, летящий в мир,
 Когда вокруг меня прямой эфир
 И на кусте мой благодарный зритель?!

Твой голос пробудил воспоминанье
 И сбросил ветхий ханжеский покров.
 Мы, подавляя первые желанья,
 И веру оскорбляем, и любовь.

Я не придумал этому названья.
 Мне вспомнилось, когда среди хлебов
 Голодный нищий в жажде подаянья
 Готов был умереть, но не готов

Осыпать колос. Праведно и строго
 Так долго он советовался с Богом,
 Что умер, а зерна не отмолил.

Все вымолено у тебя до жеста.
 ...И ты одна – небесное блаженство
 И все земные горести мои.

«Все может быть... Я ничего не знаю», –
 Так утешала женщина меня.
 Смирись, поэт! Ведь ты идешь по краю
 Безудержного адского огня.

И вот, ладонью солнце заслоня,
 Я говорю, что в мире тьма сплошная,
 Что света нет... Она же, вопрошая,
 Глядит в глаза мои: «А кто же я?..»

Есть миг Любви – мы от него бежим.
Да мы и вечностью не дорожим,
Когда вот так сердце своих не слышим.

Чуть что – выбрасываем белый флаг...
Но я хотел бы жизнь прожить не так...
Зима капелью опадает с крыши.

137

Я не прощаю никому измен:
Ни другу, ни подруге и ни брату!..
И не приму за краткий миг разврата
Тысячелетья верности взамен!

Я не прощаю слабости себе,
Но коль о том заверещит сорока,
Прощусь с тобой!.. Он молчалив до срока,
Холодный пистолет в моем столе.

И, может, потому я не ревнив,
Что верю в Жизни лишь в один порыв,
В один прорыв к Любви сквозь дни и годы...

Я знаю: такова моя судьба –
Я не приемлю верности раба,
Ни рабски унижительной свободы!..

138

Любимая! Ты не считай морщин
Не огорчайся. Я прошу. Ну, что ты?..
Скажу по совести: ведь у мужчин
Свои отметки и свои отсчеты!

Но есть Судьбы тяжелая рука,
Карающая всех, за что, не знаю,
Что женщины стареют к сорока,
Мужчины – только силу набирают!..

Ты ж – музыка!.. Ты вечна и стройна!..
И не морщинка это, а струна!
То разуверься жили мы, то – веря...

Уходит год тяжелый, как состав...
Возьми бокал, а зеркало оставь.
Останови хотя б на время Время!

Перелистав цветистый календарь,
 Ты говоришь мне с грустью:
– Да, все верно...
 И вправду был наш август как январь.
 Декабрь в слезах нам явится, наверно...

Я возразить хотел, но знаю: ты
 Ждешь действий, а не лепета младенца.
 Все сорок лет не красные листы –
 Тебя я с болью отрывал от сердца.

Что мне созвездья Рыбы и Тельца?
 Нет неба глубже твоего лица.
 Твоим глазам единственным я верю.

Единственные и благодарю!
 И не отдам тебя календарю –
 У двери притаившемуся зверю!

Говорю с тобой, говорю
 И не слышу на зов ответа –
 Как монах, наказание это,
 Ненавидя, боготворю.

Приходил я и к алтарю
 Не прощенья просить – совета.
 Но на лике от камня – мета.
 За тот камень себя корю.

Нет прощенья. Не в этом суть.
 Уж таков мой иудин путь.
 Господин в нашей жизни – случай.

Но ответь мне, не пряча глаз:
 Ты любила и мучилась враз.
 Без любви разве мучиться лучше?

28 марта 1989 г.

Когда в глазах твоих зеленый свет
 Мерцает влажно, горестно и чисто,
 Рождается великая актриса,

Собою заслоняя белый свет.

Ты никому не говорила: нет!
Ты не любви дитя, а – компромисса.
Жить без театра – не имело смысла?..
Но – Оглянись! – тебе сказал поэт.

Зачем тебе затасканные штампы,
Когда закаты многоцветней рампы,
А слава так убога и грешна,

Что стоит ли, друг мой, жалеть о чем-то?..
Наш занавес раскрыт до горизонта,
И гримом не замарана душа!

142

По слову человека не суди.
Не ставь клейма, что он таков, и точка.
Случалось (и не раз) – у попадьи
Являлась в мир и не попова дочка.

Не так ли и у нас: не проследи
Иль позабудь, что в мире все порочно,
Как с криком вылетает из груди
Чужое слово иль чужая строчка!..

Она живет под именем твоим.
Не ведая того, что мы творим...
Смирись – в бараний рог судьба закрутит.

Чужое слово... Я потом пойму,
Что ты меня судила по нему,
Не докопавшись до глубинной сути.

143

То приговор, то снова суд
То чисто поле, то дорога.
Но сколько б ни было их много,
Путей, – они к тебе ведут.

Я падал низко – не беда –
И поднимался, словно птица...
Пока сквозь мглу видна звезда –
Мне никогда не заблудиться.

Навстречу, торопя шаги,
Ты в платье золотой фольги

Вошла... Но шаг неосторожный –

Упала на окне свеча...
И я от боли закричал...
И снова ночь и бездорожье.

144

Дурак играл несвязно на баяне
Пил брагу из дымящейся бадьи.
И становилась глупость обаяньем,
Жестоко потешаясь над людьми.

Настороженно ждал своей судьбы
Петух, расцветший, как репей в бурьяне.
И людям было весело в тумане
Игры дешевой возле городьбы.

Дурак подолгу звуки примерял
И свой баян в руках, как шапку, мял,
Как будто он за все один виновен...

Я думал: не меняют их века,
Но коль толпа достойна дурака,
Дурак чего-то большего достоин.

145

Уснула ты за книгою стихов,
Которой нет... Но книгу я замыслил.
Свисают шали белоснежной кисти
С горячих плеч до сердца моего.

Да будет так. Всего один лишь шаг
От юности невинной до порока.
Ты книгу прочитала всю до срока
И выверила сердцем каждый знак.

Но, может, это вовсе не порок,
А к счастью неизбежному порог,
Ведь движет поезд в топке скрытый уголь...

И я с тобой пройду через года,
Через столетья, страны, города,
Забросив книгу во вселенский угол.

146

Наполненный твоим вином
Бокал тончайший чуть пригублен.
Вечернего заката угли
Тревожно догорают в нем...

Надежду, вспыхнувшую днем,
Спасем с тобой мы иль погубим,
Когда веселых дров нарубим
И воспалим живым огнем?

В глазах твоих одни вопросы...
Уже ложатся ночи росы
В зеленую прохладу гор.

И не подсказывает опыт:
Когда Любви бокал не допит –
Спасенье это иль укор?

147

Небытие – предвестник бытия.
На воздух опершись, взлетает птица.
Я – ось. А мне твердили, что я – спица.
Земля вращается вокруг меня.

Ни на кого обиды не тая,
Ни обвинять не стану, ни кориться.
Но если мир опять не возродится –
Тому виною буду только я.

Спешим, спешим, как будто не успеем
Свет удивить и возвести Помпеи,
Взгляни на солнце – вот Везувий твой.

Везувий, что взорвется и остынет.
И я пойду на лыжах по пустыне,
И воцарится на земле покой.

148

Нам грёз весенних не забыть,
Когда дышало всё любовью.
Тебе хотелось скрипкой быть,
А не доскою гробовою.

Лозой хмельною мир обвить,
Царицей став, а не рабою.
Настало время нам подбить
Итоги горькие с тобою.

Прошло без малого полвека.
Кто любит – это не помеха...
Пусть тезис этот нарочит!

Нас развели ветра шальные.
Не слышно скрипки мне, но имя
Твоё пронзительно звучит.

149

Что сделать для тебя...тебя одной
Принесшей свет, мне осветившей разум,
Когда в ночи мне изменили разом
И муза юная и друг седой.

Повергнуть мир к ногам твоим?.. Смешно!
А может просто, без оваций, тихо
Из сада выкрасть ветку облепихи,
Что радостно, опасно и грешно?

Одно зерно способно возродить
Жизнь на земле, которую любить
Нам порознь – всю, дрожащую от ветра...

Зелёный свет... Но путь мой предрешен.
Я б проклял всё и в прозу бы ушел
Когда б не эта тоненькая ветка.

1968

150

Мне непонятна жертвенность твоя:
Не отличить порока от порыва
К любви вселенской... (Полагать наивно,
Что был такой любви такой достоин я).

Властительница Вечного Огня,
Ты, не спасая ни души, ни тела,
Весь мир продрогший обогреть хотела,
Но жребий выпал только на меня.

Но, может быть, всё проще, много проще,
Есть женское желание (не больше!) –
Подняться вверх по тонкому лучу
В недостижимое царство Света?!

Зачем же я, всё понимая это,
На твой огонь, как мотылёк, лечу?

Ни шумных дней, ни взбалмошных ночей.
Взорваться бы сонетом мне, да где там?!
И вдруг среди мерцающих свечей
Твой взор пронзил меня горячим светом.

О перекрестье жаждущих лучей,
Молящих о несбыточном, неспетом!
Нам было не до праздничных речей,
Звнящих, как мечи над парашютом...

Я спрашивал, чуть приподняв стакан:
Спасенье это или мой капкан
Твоя любовь, похожая на кражу?..

А может, это неба тайный знак?
Прости меня, Господь, коль это так,
Тогда мне рано собирать поклажу.